

УДК 304.5

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-14-33-45

К ВОПРОСУ О КРАХЕ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю.В. Лоскутов

кандидат философских наук, доцент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

yuri-loskutov@mail.ru

Исследуются причины неудачи советского проекта как проекта межформационного перехода. Массовая производительная сила СССР закономерно проиграла западной ставке на производительную силу отдельной личности. Абстрактная возможность преодоления капитализма так и не стала в СССР действительностью – общество не овладело своими производительными силами. Кроме того, ошибка советского проекта состояла в том, что к сложной, саморазвивающейся общественной системе вместо подходящей для управления такими системами постнеклассической рациональности была применена рациональность классического типа. Советский проект стал всего лишь одним из примеров незавершенной всемирной социальной революции индустриального рабочего класса, породившей социально ориентированные перераспределительные бюрократические системы. Тем не менее, межформационный переход отнюдь не завершился вместе с крахом советского проекта.

Ключевые слова: межформационный переход, советский проект, производительные силы, личность, постнеклассическая рациональность

Историческая эпоха, в которой мы живем (капиталистическая общественно-экономическая формация) находится в стадии разложения, потенциально чреватой переходом в новую историческую эпоху – межформационным переходом, то есть социальной революцией. Советский проект оказался неудачной попыткой межформационного перехода, а дальнейшее осуществление удачного перехода между общественными формациями предполагает наличие у гуманитарных наук (включая социальную философию) знаний о причинах предшествовавшей неудачи. Эта небольшая статья не претендует на исчерпывающее решение вопроса о причинах краха советского проекта, однако в ней предмтавлены некоторые социально-онтологические соображения по указанной проблеме.

Популярные в просоветских кругах объяснения типа «СССР погиб в результате предательства» и «Сталин не оставил преемника – от этого всё рухнуло» выдают в объясняющих не марксистов, а людей, мыслящих на уровне дворянской историографии XVIII века. Любой марксист должен честно признать, что советская социалистическая система, возносившая предателей на вершины власти, оказалась просто неконкурентноспособной по сравнению с капиталистической, где предатели почему-то к власти не приходили. Да, советская система во многом была более гуманной и прогрессивной по сравнению с западным капитализмом, но, увы, она оказалась более слабой в имевшихся исторических условиях. Это трагедия? Несомненно. Но также – и урок на будущее.

Если советский проект рассматривать как попытку СССР и его ближайших союзников выйти за пределы капиталистической общественно-экономической формации, то этот проект, действительно, оказался неудачным. (Удача советского проекта состояла в другом – в выживании и развитии нашей страны). Любая общественная формация определяется не по характеру производственных отношений, а по особому конкретно-историческому способу производства (или по особому сочетанию способов производства). «В произведении "Наемный труд и капитал" (1849) Маркс действительно определяет ступени человеческой истории по совокупности производственных отношений. Однако в более зрелых работах основоположники марксизма выделяют исторические эпохи по способу производства. Периодизация исторического процесса по производственным отношениям была более характерна для В.И. Ленина, особенно в его ранних работах. Понятно, что точка зрения вождя революции не могла не сказаться на позициях советских ученых, для которых при определении формационной принадлежности обществ, еще не обладающих всеми необходимыми типологическими признаками, тип производственных отношений приобретал решающее значение. В результате социалистический Вьетнам оказывался на более высокой ступени развития, чем капиталистическая Япония. Подобные перегибы в теории пагубно сказались на практике социалистического строительства, что в немалой степени предрешило драматические события конца 80 – начала 90-х гг. прошлого века» [1, с. 337]. Способ производства, как система, в конечном счете, детерминируется особым уровнем развития производительных сил (содержанием способа производства), а не особыми производственными отношениями (формой способа производства), ведь в единстве формы и содержания последнее играет определяющую роль. Короче говоря, каковы производительные силы – таков и способ производства, а каков способ производства – такова и общественная формация.

При анализе краха советского проекта марксист должен посмотреть в корень этой проблемы – на ситуацию с развитием производительных сил. Производительные силы СССР находились примерно на том же уровне, что и производительные силы современного ему капиталистического мира – это просто и бесхитростно констатировала в 1964 г. даже откровенный апологет советского проекта Л.В. Николаева: «Уровень развития производительных сил социалистического производства существенно ещё не отличается от уровня высокоразвитого капиталистического производства. Однако, развиваясь в форме социалистических отношений, при которых отсутствуют мелкие частнособственнические предприятия, производительные силы социалистического производства представляют высшую степень их обобществления по сравнению с капиталистическим производством. Поэтому социалистическое производство имеет объективные условия для быстрого технического прогресса» [2, с. 141]. Вопреки официальной советской идеологии, но согласно марксистской социальной онтологии, примерно равный уровень развития производительных сил объективно свидетельствует об общей формационной принадлежности советского и западного проектов. Более того, в начальный период советской истории и производственные отношения принципиально не отличались от таковых на Западе. В.И. Ленин отмечал советскую специфику только в области общественной надстройки, но никак не в области базиса (совокупности производственных отношений): «Приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем "последнее слово" современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. ... Поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм» [3, с. 300].

Да, в дальнейшем производственные отношения претерпели некоторую целенаправленную эволюцию в рамках советского проекта, но марксисты обычно сильно преувеличивают значимость изменений в производственных отношениях. На самом же деле, ограничиваясь только такими изменениями, невозможно поменять способ производства. Для того, чтобы одна общественная формация поменялась на другую, с более сложным способом производства, нужно коренным образом усложнить производительные силы. Несмотря на то, что те или иные производственные отношения между людьми оказывают обратное влияние на производительные силы,

ускоряя или замедляя их рост в конкретных исторических условиях, основным источником развития людей как главной производительной силы выступает их саморазвитие, их субстанциальность. Внутренние связи человеческих коллективов и социумов (в том числе – производственные связи), несомненно, влияют на характер развития этих систем, однако для отдельного живого человеческого индивида, для отдельной личности эти связи – внешние. Следует напомнить о том, что диалектика является теорией саморазвития, осуществляющегося путем разрешения внутренних противоречий развивающегося предмета, а не теорией развития, осуществляемого исключительно под влиянием внешних факторов, исключительно под влиянием внешних связей с другими предметами.

Но как тогда, при наличии формационной общности между советским и западным социальными проектами, можно объяснить существенное различие и даже конкуренцию между ними? Соотношение между США и СССР (лидерами конкурирующих проектов) можно уподобить соотношению между Древним Римом и Древним Египтом. Разумеется, американское общество – формационно более развитое по сравнению с Древним Римом (с которого американцы, тем не менее, открыто берут пример), а советское общество – по сравнению с Древним Египтом. Тем не менее, США и Древний Рим, а также СССР и Древний Египет, находясь на различных «витках» исторической «спирали», характеризуются её сходными «поворотами». Ещё в 1962 г. Ю.Н. Давыдов подметил весьма интересное обстоятельство: «Рабовладельческий Египет дал классический пример формы рабовладения, связанной с "отчуждением" прежде всего общественных результатов кооперированного в масштабах страны труда индивидов ... Собственно в этой способности вызвать к жизни и (более или менее сознательно, более или менее планомерно) контролировать новую – массовую – производительную силу и состояло историческое оправдание "египетского кастового строя"» [4, с. 59]. Применительно к СССР эту мысль можно переформулировать так: «Советский Союз дал классический пример формы капиталистической эксплуатации, связанной с "отчуждением" прежде всего общественных результатов кооперированного в масштабах страны труда индивидов. В этой способности вызвать к жизни и (более или менее сознательно, более или менее планомерно) контролировать массовую производительную силу и состояло историческое оправдание советского строя». (Кроме того, на порядки в птолемеевском Египте обратили внимание, в контексте исследования нашего отечественного социализма, советские авторы коллективного проекта «С. Платонов» [5, с. 230-235]). Примечательно то, что Ю.Н. Давыдов подчеркивает роль внешних условий (ежегодных разливов

Нила) в формировании египетской массовой эксплуатации [4, с. 59] – для СССР таким внешним условием стала отнюдь не иллюзорная угроза иностранной военной интервенции. Господствующей же формой эксплуатации в Древнем Риме и в США стала индивидуальная эксплуатация трудящихся – ставка была сделана не на «высшую степень обобществления», а на производительную силу индивида (личности). Разумеется, это не означает ни того, что в СССР или в Древнем Египте вообще не считались с производительной силой личности, ни того, что в США или в Древнем Риме не было масштабных коллективных проектов. Речь идет лишь о господствующих тенденциях.

Массовая производительная сила позволяет быстро аккумулировать общественные ресурсы – это дает не только тактический выигрыш (порой весьма важный!), но и стратегический проигрыш: «Централизованная плановая экономика, чрезвычайно расточительная, однако эффективная при мобилизации ресурсов на приоритетные цели, была также источником бесконечной жесткости и несбалансированности, которые снижали производительность по мере того, как экономика становилась более сложной, технологически развитой и организационно диверсифицированной» [6, с. 449].

Стратегический проигрыш массовой производительной силы был, в конечном счете, предопределен пренебрежением к производительной силе отдельного индивида, отдельной личности – пренебрежением, которое фактически означало отмену задачи преодоления капитализма. Д.А. Давыдов верно отмечает то, что «личность (как благо) нельзя купить или продать, она не товар. ... Иными словами, "обладание личностью" не тоже самое, что обладание капиталом или рабочей силой. Область производства личности располагается по большей части за пределами капитализма. Стало быть, развернувшаяся ещё в советские времена "борьба за личность" и была уже зачатком посткапитализма» [7, с. 220 – 221]. СССР во многом погубила неспособность КПСС направить устремления личности «в русло общественно востребованного творчества» [8, с. 180], неспособность работать с нестандартными, выдающимися деятелями. (Весьма показательным, но отнюдь не единственным, примером этой неспособности выступает судьба гениального поэта И.А. Бродского, который получил прижизненное признание в США после того, как в СССР его отправили в ссылку «за тунеядство»). Вызов для фордистского и тейлористского в своей основе способа производства в СССР «исходил прежде всего не от враждебных государств, а от новой субъективности рабочей силы и ее новой интеллектуальной и коммуникативной структуры. ... Система могла бы продолжать, и в течение некоторого времени продолжала, функционировать на базе модели

дисциплинарной модернизации, но она не могла совмещать модернизацию с новой мобильностью и созидательным потенциалом рабочей силы» [9, с. 260]. В итоге СССР так же закономерно проиграл США, как Древний Египет закономерно проиграл Древнему Риму.

Ф. Энгельс проницательно указывал в «Анти-Дюринге» на следующее обстоятельство: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [10, с. 290].

Абстрактная возможность преодоления капитализма так и не стала в СССР действительностью: общество не взяло в свое владение производительные силы – оно не овладело ни собой, ни средствами производства. Так, в СССР «идеологические репрессии и политика контроля над информацией были решающими препятствиями для инновации и распространения новых технологий, сосредоточенных как раз на обработке информации. ... Пишущие машинки были редкими и за ними тщательно следили. Доступ к машинам для фотокопирования всегда требовал допуска от служб безопасности – две заверенных подписи для русского текста и три заверенных подписи для нерусского текста. Использование междугородных телефонных линий и телекса контролировалось в каждой организации специальными процедурами» [6, с. 463]. В СССР, кроме того, происходило следующее: «Поскольку инновация всегда влечет за собой риск и непредсказуемость, предприятиям на всех уровнях систематически отбивали охоту заниматься такими рискованными делами» [6, с. 449]. Это нередко порождало весьма неблагоприятные последствия. Например, простое, избегающее риска, копирование

американских компьютеров при отсутствии международной или внутренней конкуренции привело советскую электронику в состояние застоя [6, с. 459]. В итоге, даже при наличии большого числа высококвалифицированных специалистов в области информатики, «Советский Союз пропустил революцию в информационных технологиях, которая сформировалась в мире в середине 1970-х годов» [6, с. 455].

Такая одержимость внешним контролем в ущерб развитию общества имела вполне «классический» характер. Исторические типы рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) связаны с практическим отношением человека к различным типам систем [11]. Условием успеха практической деятельности выступает применение того или иного исторического типа рациональности к соответствующему именно ему типу систем: классической рациональности – к простым системам, неклассической – к сложным саморегулирующимся, постнеклассической – к сложным саморазвивающимся, в том числе – и к общественной формации. Межформационный переход как разрешение межформационного кризиса – это комплексная теоретическая и практическая проблема, которая служит одной из основных моделей практического применения постнеклассического мышления.

Если практическое применение классической рациональности нередко приводит к недооценке человеческой субъектности, а неклассической – наоборот, к волюнтаризму, то постнеклассика уже по своей диалогичной природе нацелена на преодоление двух указанных крайностей. Постнеклассическое мышление предполагает особую – глубоко личностную и практически ориентированную – позицию субъекта познания. Постнеклассическое познание – это поступки человека или группы людей, практически изменяющие сложную, саморазвивающуюся, человекомерную систему. Это практическое изменение системы происходит «изнутри» потому, что познающие субъекты сами являются ее элементами. Оно диалогично и алгоритмично, так как учитывает существенные обратные связи в системе.

Ленинское понимание межформационного перехода было выдержано в духе «старой доброй» классической рациональности, в духе просветительского понимания общества как единого «часового механизма»: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы. Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для

дальнейшего движения вперед» [12, с. 101-102]. Эта ступенька оказалась гнилой. В Советском Союзе, действительно, сложили всю экономику, политику и культуру «в одну корзину». Результатом пренебрежения народной мудростью о корзине и яйцах стал крах советского социалистического проекта как сложной саморазвивающейся системы.

Как теперь становится ясным, ошибка советского проекта состояла в том, что к сложной, саморазвивающейся системе вместо подходящей для управления такими системами постнеклассической рациональности была применена рациональность классического типа, которая уместна лишь в управлении простыми системами. (Следует предположить, что сегодняшний успех Коммунистической партии Китая в деле управления огромным китайским обществом связан с избеганием указанной ошибки. Ведь смешно полагать, что более миллиарда граждан КНР подвергаются прямому, непосредственному управлению – в качестве единого механизма с людьми-винтиками – со стороны горстки членов ЦК КПК).

Вы можете спросить – как возможно постнеклассически управлять сложной, саморазвивающейся системой, если она и так саморазвивается? Дело в том, что управление такой субстанциальной системой идет не извне, а изнутри. Управляющие сами являются элементами такой системы, и «на своей шкуре» испытывают все хорошие и плохие последствия своего управления – благодаря обратным связям. Постнеклассическое (то есть, по сути, аутентичное марксистское) понимание межформационного перехода состоит не в следовании навязанной общественной модели, а в свободной самодеятельности, цель которой «растворена в процессе становления общественных индивидов, а не предпосылаема им и их разуму как нечто внешнее» [13, с. 286]. Советская идеология как раз предпосылала идею «диктатуры пролетариата» (его политической самодеятельности) как нечто внешнее по отношению к самому пролетариату. А.А. Коряковцев и С.В. Вискунов справедливо констатируют следующее: «Даже при поверхностном взгляде на советское общество мы сразу, едва начав его анализ, натываемся на противоречие между общественной практикой и общественным сознанием (социальным воображаемым) и на противоречия в самой общественной практике. Это позволяет сформулировать проблему советского общества: оно еще оставалось капиталистическим, и уже не было таковым. Иначе говоря, оно являлось незавершенным отрицанием капитализма, его превращенной формой» [14, с. 616].

Впрочем, СССР стал далеко не единственным примером превращенных форм капитализма. Такие формы сегодня, по сути, господствуют в мире – как результат незавершенной антикапиталистической революции [14,

с. 641]. Единая социальная революция рабочего класса индустриальной эпохи длилась в планетарном масштабе всю первую половину XX в. – эта революция победила в экономической сфере (так как во многих странах, в том числе и в СССР, возникли социально ориентированные перераспределительные системы с различными идеологическими их обоснованиями), но осталась незавершенной именно в качестве антикапиталистической революции [15, с. 41-42]. Указанные перераспределительные системы порождают диктатуру буржуазно-бюрократической корпорации – системный бонапартизм [14, с. 640]. Это приводит к тому, что «новая "классовая борьба" ... в меньшей степени сводится к конфликту между менеджментом и рабочими в рамках экономического предприятия, нежели к соревнованию между различными организованными сегментами с целью повлиять на государственный бюджет» [16, р. 24].

К. Маркс ошибся в своей ставке на заводской пролетариат в деле ликвидации капитализма, однако эта ошибка была неизбежной в условиях эпохи, которая не предлагала иной технологической основы развитого производства, кроме фабрично-заводской [15, с. 46-47]: «Однако мог ли фабрично-заводской пролетариат стать субъектом отрицания себя как субъекта труда (а по Марксу он должен таким стать, это и является залогом его революционности)? Мог ли он стать субъектом практической критики труда? Позволяли ли ему это сделать сами производительные силы, частью которых он был? Нет, ибо промышленное разделение труда "антитетически" разносило отчужденный труд и "самодетельность" по разным сторонам общественной иерархии» [14, с. 572]. В условиях применения индустриальной технологии и характерного для нее разделения труда рабочий класс объективно не мог (а во многих случаях – и субъективно не хотел) добиться большего – ликвидировать капитализм как систему [15, с. 42]: «Обеспечив господство своих экономических интересов в качестве платежеспособного потребителя (утвердив экономическую диктатуру в сфере распределения и в рамках господствующего способа производства), он реализовал собственную социальную природу с наибольшей полнотой и раскрыл ее внутреннюю противоречивость. Следовательно, основное противоречие нашей эпохи – это уже не столько противоречие между трудом и капиталом (оно регулируется в пользу рабочей силы, ее житейских потребностей в условиях перераспределительного, паллиативного, социализма), сколько противоречие внутри самого труда между его свойствами... между его необходимостью, всеобщей для всех людей, и вынужденной, частной, принудительной необходимостью для рабочего класса» [15, с. 43]. Рабочий класс, не завершив социальную антикапиталистическую революцию, проявляет

самоотчуждение от политики постольку, поскольку житейские цели и задачи рабочих лежат вне пределов политики как особой сферы общества [15, с. 48]. В основе собственной, а не привнесенной извне идеологии пролетариата лежат не политические вопросы «революционного коммунизма», а вопросы контроля над производством, социальной солидарности, самообразования и «создания параллельного мира» [17, с. 273]. В силу промышленного разделения труда у индустриальных рабочих никогда не было ни сил, ни желания, ни времени для того, чтобы заниматься политикой, и потому объективно существующие интересы рабочих защищались в политике (если вообще защищались) кем угодно, только не ими самими [14, с. 595]. Рабочий класс может только поддерживать в тех или иных формах близких ему профессиональных политиков, но не более того. Вместе с тем, рабочий класс сторонится политики как особого вида деятельности ещё и потому, что в его сегодняшнем постфордистском труде и так слишком много черт политической практики [18, с. 52].

Но мог ли в принципе ленинизм (или, скажем, маоизм), при всех его бесспорных исторических успехах, покончить с капитализмом с помощью провозглашения монополии угнетенного класса на внутреннюю политику? А.В. Бузгалин и А.И. Колганов верно отмечают, что «буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества – лично свободные представители "третьего сословия". Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). ... Последнее отрицает тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата» [19, с. 57]. Д.А. Давыдов расширяет данный тезис до масштаба всемирной истории: «Тезис о "революционном переустройстве всего общественного здания" как неременном следствии борьбы между угнетающими и угнетаемыми не находит подтверждения. Более того, история показывает, что борьба свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных и т.д. между собой никогда не приводила к смене общественных формаций. ... В данном контексте не соответствующим общей логике исторического процесса представляется и прогноз Маркса относительно того, что именно рабочий класс уничтожит капитализм. Надежды на реализацию этого прогноза уже не раз демонстрировали свою тщетность» [8, с. 90].

Означает ли это, что советский проект был заранее обречен? Нет, не означает. Абстрактным шансом на успех было для советского проекта

создание посткапиталистического и относительно деbüroкратизированного социально-экономического уклада, где могли бы разрабатываться и внедряться прорывные технологические и культурные инновации, имеющие целью удовлетворение высших человеческих потребностей с последующим масштабированием этих инноваций на общество в целом. К сожалению, создание такого уклада затормозилось в СССР на начальной стадии. П.Н. Кондрашов справедливо замечает следующее: «Новый способ производства сначала возникает в структурах повседневности в конкретных локусах в "теле" ныне существующего способа производства. Эти локусы, постепенно разрастаясь, разрушают старую и в конце концов конституируют новую органическую целостность – новый способ производства или новую общественную формацию» [20, с. 152]. Наряду с посткапиталистическими «локусами» в послесталинском СССР успешно вызревали «локусы» слепого подражания капиталистическому Западу, и первые были побеждены вторыми.

Крах советского строя стал для нашей страны и для всего прогрессивного человечества исторической трагедией, однако он не стал катастрофой для процесса межформационного перехода: «Смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому, а как длительный процесс "заката" одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, "классическое" состояние) и глубоко нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не "чистые", а переходные отношения и формы» [19, с. 54]. П.Н. Кондрашов в связи с этим отмечает следующее: «Содержательно любой такой период представляет собой, во-первых, качественный переход, трансформацию (trans-) от одного состояния к другому; во-вторых, он находится между (inter-) этими состояниями, объединяя в себе моменты и того, и другого состояний, одного и другого способов производства, умирающей и рождающейся общественных формаций. Поэтому представляется уместным ввести в научный оборот термин *inter/trans-формация*, которым мы обозначим длительный переходный период от одной формации к другой, в его структурах содержатся элементы обеих формаций, что с необходимостью ведет к рассмотрению этого периода как внутренне двойственного, амбивалентного» [20, с. 152].

Эта амбивалентность пронизывает сегодня практически каждого человека, что ставит под большой вопрос значение идеологии (тем более – государственной идеологии) в период текущего межформационного перехода. Любая идеология предполагает позицию «учащего» и позицию «учащегося», но социальная онтология межформационного перехода к посткапиталистической формации ставит эти позиции под вопрос: «Борьба между фетишизмом и антифетишизмом существует внутри каждого из нас, коллективно и индивидуально. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы нефетишизированный авангард вел за собой фетишизированные массы» [21, р. 146]. Данный тезис может быть эмоционально усилен: «Если общество больно, то, конечно же, больны и мы, поскольку мы не можем находиться вне общества. Наш крик – это крик против нашей собственной болезни, которая является болезнью общества, крик против болезни общества, которая является нашей собственной болезнью» [21, р. 116]. В силу этого дальнейший анализ проблем межформационного перехода должен носить не столько социально-онтологический, сколько философско-антропологический характер.

Список литературы

1. *Мусаелян Л.А.* Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд. Пермь: Издательство ПГНИУ. 2015 – 421 с.
2. *Николаева Л.В.* Свобода – необходимый продукт исторического развития. М.: Издательство МГУ, 1964. – 292 с.
3. *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 283–314.
4. *Давыдов Ю.Н.* Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962. – 132 с.
5. *Платонов С.* После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989. – 255 с.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. *Давыдов Д.А.* Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. – 336 с.
8. *Давыдов Д.А.* Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. – 218 с.
9. *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. – 440 с.
10. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 1–338.
11. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.
12. *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 1 – 120.
13. *Коряковцев А.А.* Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург : ИФиП УрО РАН : Кабинетный ученый, 2021. С. 280 – 296.
14. *Коряковцев А.А., Вискунов С.В.* Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. – 684 с.

15. *Коряковцев А.А.* Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи: проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 3. С. 38–50.
16. *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1978. – 301 p.
17. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: «Ад Маргинем Пресс». 2016. – 416 с.
18. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.
19. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
20. *Кондрашов П.Н.* Посткапитализм как новая общественная intertrans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159.
21. *Holloway J.* Change the World without Taking Power. New York: Pluto Press, 2010. – 296 p.

TO THE QUESTION OF THE COLLAPSE OF THE SOVIET PROJECT: SOCIO-ONTOLOGICAL ASPECT

Yuri V. Loskutov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Perm State University
614068, Bukirev str., 15, Perm, Russia

The article investigates the reasons for the failure of the Soviet project as the project of inter-formational transition. Mass productive force of the USSR naturally lost to the Western bet on the productive force of the person. The abstract possibility of overcoming capitalism never became a reality in the USSR – society had not mastered its productive forces. In addition, the mistake of the Soviet project was that to a complex, self-developing social system instead of the postnon-classical rationality was applied a classical rationality. The Soviet project was just one example of an unfinished worldwide social revolution of the industrialized working class, which gave rise to socially oriented redistributive bureaucratic systems. Nevertheless, the inter-formation transition was by no means complete with the collapse of the Soviet project.

Keywords: inter-formational transition, Soviet project, productive forces, personality, postnonclassical rationality